
ОЛЕГ ПЕТ
Эротический этюд
ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ ПЛАЩЕ
18+

Олег Пет

Женщина в черном плаще

«Автор»
2026

Пет О.

Женщина в черном плаще / О. Пет — «Автор», 2026

Он вернулся — живой, но не целый. Серый Петербург, гостиница у вокзала и журнал с красотками на кресле: всё, что осталось от жизни, которую он не сумел сохранить. Жена ушла. Тишина после взрыва осталась. И шрам на шее, который тянет — как тянет чужая, недопетая нота.Она пришла по вызову — высокая блондинка в очках, с деловитым голосом и ценой за час, за два, за ночь. Он думал, что покупает тело. Оказалось — покупает что-то другое: запах терпких духов на подушке, металлический звук наручников, белые волосы на горячем дереве полки. И то, чего он не ждал, — «я провожу тебя на вокзал». Этот рассказ о женщинах, которые уходят, не снимая пальто. О любви, которая приходит не по правилам, а по звонку, и остаётся не в сердце, а глубже — туда, где живёт любовь . И о поезде, который уходит на восток, в простой и честный ад, — и о том, что теперь у него есть что-то, чего не было раньше.

© Пет О., 2026
© Автор, 2026

Олег Пет
Женщина в черном плаще

Я думал, что покупаю ночь. Оказалось, я покупал причину жить. И она стоила дороже, чем я мог заплатить

Автор

Женщина в черном плаще

Эротический этюд

I. НОМЕР

Номер был старый и пахнущий шерстью и старыми воспоминаниями — тем особым запахом гостиниц, где время застаивается в складках портьер и не желает уходить. Он небрежно разбросал своё бельё на кресле — белое на зелёном, как неудачная метафора, — курил, и дым шёл к потолку лениво, нехотя, словно тоже стеснялся. И со страстью смотрел на неё.

Она стояла вполоборота — так, что свет зашторенного окна, процеженный сквозь пыль и тюль, играл с её красным бельём, и это красное было единственным громким словом во всей тихой комнате: оно откровенно подчёркивало её формы, но подчёркивало так, как подчёркивает художник — не линией, а тенью, оставляя воображению больше, чем отнимая у стыдливости. Вокруг было серо: серый ковролин, серые обои, серое небо в щели между шторами — и только это красное пятно продолжало жить , дышать, кричать. Она не спеша поставила ногу на стул — движение, исполненное той домашней грации, которая страшнее всякой нарочитой позы, — и аккуратно расстегнула резинку чулка. Тот, почувствовав свободу, скользнул вниз по белому телу — медленно, как скользит по странице взгляд, не желающий дочитывать, — и остановился у щиколотки, не решаясь упасть.

Глубокий вдох вырвался из его груди — и он поймал себя на том, что запоминает не её, а этот угол света, эту пылинку, дрожащую в луче, этот звук резинки, отпущенной на волю; ибо страсть, если она настоящая, всегда чуть-чуть коллекционер: она торопится спрятать все мгновения в футляр памяти прежде, чем они закончатся.

Он докурил. Пепел упал на кресло, на бельё, на белую ткань — и он не заметил. За окном шёл дождь, тот самый, петербургский, который не начинается и не кончается, а просто висит в сыром воздухе, как висит в груди невысказанное. В комнате было тихо — той тишиной, что приходит после долгого гула дороги; и в этой тишине каждый звук становился событием: шорох ткани, скрип двери, её дыхание — горячее, живое, единственное тёплое во всём этом сером холоде.

Её красное бельё легло на серый ковролин — небрежно и ненавязчиво, единственное, что нарушало гармонию момента. Она прикрыла руками грудь. Чёлка, упавшая на лицо, прикрыла часть его, придавая таинственности прекрасному личику. Его дыхание стало прерывистым. Сердце ударило в висках. Он протянул руку. Она не отстранилась.

II. ПОЕЗД

Он сидел в поезде. За окнами мелькали унылые пейзажи — осень, она всегда такая: мокрая и пасмурная, с её бесконечными полями, уже убранными и оттого особенно сиротливыми, с её перелесками, стоящими по колено в тумане, как солдаты в отступлении. Всё было серым — серым, серым, до тошноты, до звона в ушах: серое небо, серые поля, серые лица в тамбуре, серый дым из трубы тепловоза, стелющийся над мокрыми полями.

Позади остались месяцы войны — грязной и простой до безобразия. Там не было ни правды, ни чести, лишь злоба и страшное, животное желание выжить. Он поморщился, погладив свежий шрам на шее. Рана зажила, но всё ещё беспокоила и тянула — как тянет иногда чужая, недопетая нота.

Он вспомнил, как взводный что-то кричал и размахивал руками — широко, неуклюже, будто отгонял от себя воздух, — и как потом стало тихо. И с этой тишиной теперь ему предстояло жить дальше: не с памятью о крике, а именно с тишиной, которая пришла после, — вязкой, полной, окончательной.

Он отвернулся от окна. Взял в руки журнал. Красотки одна краше другой предлагали свои услуги с той старательной бесстыжестью, с какой глянцевые женщины всегда предлагают то, чего у них, в сущности, то и, нет. Их тела были яркими — красное, чёрное, золотое, — и эта яркость резала глаз после недель серого и хмурого: она казалась не обещанием, а насмешкой.

«Ну что ж, тоже женщины, — подумал он. — Хотя у каждой своя цена: за час, за два, за ночь».

Он перевернул страницу — и поймал себя на том, что рассматривает не лица, а тени под ними, не улыбки, а то, как свет ложится на ключицы.

«А что терять-то? Жена ушла. Не сложилось. Понимаю».

Он закрыл журнал и положил его на колени, как кладут ненужную уже книгу.

«А предстоящие десять суток отпуска по ранению надо чем-то разбавить» — и эта мысль, произнесённая внутренним голосом почти галантно, показалась ему самому смешной и жалкой одновременно.

Петербург встретил его дождём и хмурым небом. Что же, осень — она здесь такая: не гостья, а хозяйка, и встречает она не радушием, а тем особым видом гостеприимства, когда вас просто пускают в дом, не спрашивая имени.

Гостиница была недалеко от вокзала — «а что искать, и тут хорошо», — заключил он, и в этом коротком решении было больше усталости, чем философии.

Номер оказался старым, с запахом шерсти и пыли, с окном во двор, где кто-то уже ругался на машину, перекрывшую выезд.

Он бросил чемодан, сел на кровать, не снимая пальто, — и долго смотрел на стену, где обои отходили в углу, обнажая что-то серое, похожее на изнанку. За окном дождь стучал по жестяному отливу, и звук этот был единственным, что наполняло комнату.

Он достал журнал. Посмотрел на обложку. Потом положил обратно. Потом встал, подошёл к окну, закурил — и дым пошёл вверх, к серому небу, и растворился в нём без следа, будто его и не было.

III. ЗВОНОК

Он достал журнал снова — уже без прежней лени, а с той деловой обстоятельностью, с какой берутся за телефонную книгу, когда нужно позвонить по важному, но неприятному делу.

Красотки глядели со страниц с одинаковым выражением старательного приглашения, и он поймал себя на том, что выбирает не по лицу, а по чему-то другому — по тому, у кого в глазах меньше этой глянцевой пустоты, будто в этом был хоть какой-то смысл.

Номер был набран быстро, почти механически. Голос на другом конце — женский, ласково-деловитый — назвал цену, время, записал адрес.

«Через час, — сказал он. — В холле. Назвал отель.». И, положив трубку, почувствовал не волнение, а странную пустоту, будто только что подписал бумагу, содержание которой уже не имеет значения.

Он брился перед зеркалом в ванной, где лампочка мигала, как больное сердце, и смотрел на себя — на свежий шрам, на тень под глазами, на человека, которого не узнавал. Потом надел чистую рубашку. Потом спустился вниз, сел в кресло и стал ждать.

IV. ХОЛЛ

Холл гостиницы был невелик и обставлен с той казённой претензией на уют, какая бывает в местах, где никто не живёт, а только останавливается ненадолго.

Пальма в кадке. Ковёр с узором, вытертым до основы. Девушка на ресепшене листала что-то и не поднимала глаз. Все было серым - и в этом сером не было ни тепла, ни обещания.

Он сел в кресло у окна, так, чтобы видеть вход, и закурил — хотя курить здесь было нельзя, — и никто не сделал замечания: всем было не до него

Он ждал. Сначала — глядя на дверь. Потом — на часы. Потом — на дождь за окном, который шёл с той же ровной, неиссякаемой настойчивостью, с какой идёт время. Минуты шли медленно, как идут они всегда, когда их считаешь, и в этой медленности было что-то унизительное. Он докурил одну сигарету, потом вторую. Пальма в кадке стояла неподвижно, и в её неподвижности ему почудилось что-то насмешливое.

Серый свет из окна ложился на всё ровно и безразлично: на ковёр, на пальму, на его руки, на блюдце с логотипом гостиницы, куда он стряхивал пепел. В этом сером свете не было ни тепла, ни обещания — только ожидание, длинное, как коридор.

Он думал: а что, собственно, он здесь делает? В холле, с чужим журналом в памяти и со свежим шрамом на шее, ждёт женщину, которую никогда не видел и не увидит по-настоящему, даже когда она войдёт.

Он думал о жене — не с болью, а с той тупой усталостью, с какой думают о вещи, которую потерял давно и уже почти забыл. Он думал о тишине, которая пришла после крика взводного, и о том, что эта тишина теперь везде: в холле, в пальме, в дожде, в нём самом.

Дверь открылась. Вошла женщина в плаще — не та, не та, — и прошла мимо, к лестнице, оставив за собой запах мокрой шерсти и духов. Он посмотрел ей вслед. Потом снова на дверь. Потом на часы: прошло сорок минут.

Он потушил сигарету в пепельнице, которая была не пепельницей, а блюдцем с логотипом гостиницы, и подумал, что, может быть, она не придёт вовсе — и что это было бы даже к лучшему. Но в этом «к лучшему» было столько же правды, сколько в объявлении из журнала: красиво, пусто и ни к чему не обязывает.

Дождь за окном усилился. Или ему так показалось.

V. ДАША

Дверь открылась — и вошла она. Высокая, стройная, в плаще, распахнутом настолько, насколько позволяла погода и профессия, — блондинка с той особой белизной волос, которая не бывает природной, но которая идёт некоторым лицам так, будто её вывели специально, как выводят сорт роз.

В очках — Томми Хилфигер, он отметил это сразу, машинально, как отмечают всё, что стоит денег, — в тёмной оправе, строгих, почти учительских, и от этого контраста между очками и всем остальным становилось чуть смешно и чуть тревожно.

Она постояла секунду в дверях, ища его глазами, — и в этом поиске была та профессиональная быстрота, с какой оглядывают зал, чтобы найти нужный столик.

Нашла. Улыбнулась — не ему, а факту, что нашла, — и пошла к нему, и шла она так, как ходят женщины, знающие, что на них смотрят, но давно переставшие от этого волноваться. И холл, только что серый и сонный, вдруг стал тесным: её присутствие было слишком ярким для него, как красное пятно на сером ковре, — и все предметы вокруг словно отступили, уступив ей середину.

— Даша, — жеманно представилась она, чуть склонив голову набок, и в этом наклоне была отработанная годами прелесть, почти механическая, как у куклы, которую заводят перед гостями.

Она окинула его беглым взглядом — сверху вниз, цепко, без стеснения, — и в этом взгляде не было ни любопытства, ни интереса, а только оценка: товар смотрит на товар.

— Цена устраивает? — уже деловито продолжила она, и голос её сменился так внезапно, будто в ней переключили пластинку.

Он посмотрел на неё. На очки. На плащ. На то, как она стоит — чуть отставив ногу, привычно, как ставят её на подиуме или у обочины. И подумал: вот она, та самая красотка из журнала, только в жизни она чуть больше, чуть старше — и от этой разницы между глянцем и явью становилось не грустно, а как-то пусто и ясно одновременно.

— Устраивает, — сказал он.

Она кивнула — коротко, по-деловому — и присела в кресло напротив, не снимая плаща, и это было то же самое, что не снять пальто в кафе на Невском: знак, что она не останется дольше, чем нужно. Он вдруг поймал себя на этой мысли и усмехнулся про себя — до чего же всё повторяется, до чего же этот город верен своим привычкам.

— Наверх? — спросила она, и в этом вопросе не было ни кокетства, ни приглашения, а только уточнение маршрута.

— Наверх, — сказал он, и встал, и почувствовал, как шрам на шее снова потянул, будто напоминая о себе в самый неподходящий момент.

Они пошли к лестнице. Она — впереди, он — за ней, и он смотрел на её спину, на плащ, на светлые волосы, и думал о том, что сейчас, через десять минут, он будет с женщиной, которую зовут Даша, и что это будет ровно то, что он хотел, — и ничего больше.

Пальма в кадке проводила их неподвижным своим равнодушием.

VI. КОВРОЛИН

Даша грациозно скользнула в его объятия. Тотчас её горячее дыхание обдало его с ног до головы. Он гладил её тело — так, словно это был последний раз и завтра расстрел. Она, извиваясь, постанывала от каждого прикосновения. Он стал целовать. Сначала медленно, потом требовательнее. Она не противилась. Лишь сквозь стоны повторяла: «да… да…»

Его рука скользнула ниже, очерчивая изгиб талии, и она выгнулась навстречу, словно стремясь сократить последнее расстояние между ними. Шёлк её кожи под его пальцами казался прохладным, но под тонкой поверхностью уже разгорался ответный жар.

Поцелуи становились глубже, требовательнее, и в какой-то момент он почувствовал, как её ногти мягко, но настойчиво впились в его плечи — не отталкивая, а удерживая, словно боясь, что он исчезнет. Серый ковролин безмолвно принял их в свои объятия, и красное пятно белья теперь казалось не нарушением гармонии, а единственно верным аккордом в этой симфонии теней и света.

Время растворилось в тихом шорохе ткани и сбивчивом шёпоте, где слова уже не имели значения — только дыхание, только касания, только это мгновение, которое они оба отчаянно хотели растянуть в вечность.

Его ладонь медленно скользнула по её бедру, собирая тонкую ткань в складки, и она тихо ахнула, когда прохладный воздух коснулся разгорячённой кожи.

Пальцы рисовали невидимые узоры на её животе, спускаясь всё ниже, и с каждым миллиметром её дыхание становилось чаще, а стоны — громче, уже не сдерживаемые. Она выгнулась дугой, запрокинув голову, и её волосы рассыпались по серому ворсу, как светлая река.

Он припал губами к её шее, чувствуя, как бьётся жилка — часто, тревожно, в такт его собственному сердцу. Её руки блуждали по его спине, оставляя за собой дорожку из мурашек, и когда она притянула его ближе, между ними не осталось ни пространства, ни времени — только жар, только трепет, только тихий вскрик, сорвавшийся с её губ, когда они наконец слились в едином ритме.

Комната наполнилась сбивчивым шёпотом и сдержанными вздохами, и красное пятно на сером ковре уже не казалось случайностью — оно пульсировало в такт их движениям, словно само дыхание страсти обрело цвет.

Когда первая страсть стихла, она лежала на его плече. Ещё не отойдя от ласк, дышала нервно и глубоко.

Он посмотрел на часы — на те самые, что стояли на тумбочке у кровати, с треснувшим стеклом и вечно отстающей минутной стрелкой. Было без десяти пять. Он заплатил ей за четыре часа, а прошло, если считать по этим часам, немногим больше двух. Оставалось ещё два — и в этом «ещё два» было что-то, чего он не хотел называть надеждой. Он смотрел на стрелку, которая дёргалась, как больное сердце, и думал: два часа. Целая жизнь, если правильно ею распорядиться. Или ничто, если считать минуты. Она лежала рядом, и дыхание её выравнивалось, и он поймал себя на том, что слушает это дыхание, как слушают дождь за окном, — не потому, что оно что-то значит, а потому, что оно есть.

Она лежала на боку, подперев голову рукой, и нежно смотрела на него.

— Ты не такой, как другие, — сказала она.

— Все такие.

— Нет. — Она помолчала. — Другие сразу начинают говорить. Комплименты. Или про жену. Или про то, какие они. А ты молчишь.

— А что говорить?

— Не знаю. — Она провела пальцем по его плечу — лениво, невесомо. — Что-нибудь. Чтобы я поняла, что ты живой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.